

Владимир Мальмаков

12+

**Девушка из Нагасаки, или
Куда деваются утки из
пруда в Центральном
парке**

Владимир Мальмаков
Девушка из Нагасаки, или
Куда деваются утки из
пруда в Центральном парке

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42656381
SelfPub; 2019*

Аннотация

Адвокат Иннокентий Трибулкин каждый рабочий день начинает с прогулки по морской набережной. Однажды летним утром он видит высокую мачту океанской яхты возле причала яхт-клуба, любопытство приводит его к знакомству с необычным капитаном, совершающим не первое кругосветное путешествие. И это знакомство круто меняет его жизнь.

*Слово «мечта»
на «мачту» похоже,
А может быть, это
Одно и то же?*

Е. Григорьев

В то летнее утро Иннокентий Трибулкин заметил высокую грот-мачту в марине яхт-клуба еще с другой стороны портовой гавани. «Ого!» – сказал он про себя, сбегая по каменным ступенькам широкой пологой лестницы, ведущей к морю от городских построек. Почти каждый день перед работой, если не отвлекали совсем уж срочные дела, Трибулкин совершал утренний моцион по набережной, подковой огибающей акваторию порта. А жизнь этого сердца приморского города замирала только глубокой ночью, и то ненадолго.

Солнце уже окрасило золотистым блеском облака на расцветном, бледно-голубоватом небе, золотом отблескивали и волны, лениво плескавшиеся о камень набережной. Легкий утренний бриз с моря пахнул свежим арбузом, прибрежной тиной и водорослями, выброшенными на берег.

Иннокентий спустился к самой воде, опустил ладонь в волну, провел мокрой ладонью по щекам, не обращая внимания на то, что соленые капли упали на лацканы пиджака – поздоровался с морем. В это время все звуки просыпаю-

щегося порта – плеск волн, вскрикивания чаек, постукивание двигателя спешащего куда-то буксира, удар корабельного колокола на каком-то из пришвартованных судов – надолго заглушил длинный прощальный гудок уходящего в море сухогруза.

Оставляя по правую руку нефтяной и угольный терминалы с деловито двигающимися кранами, похожими на гигантских суставчатых пеликанов, Иннокентий миновал рейдовый мол с полосатой башней маяка на оконечности, увенчанного мигающей фонарной призмой. Не спеша прошел мимо пассажирского причала – там стоял белоснежный трехпалубный круизный лайнер, и двинулся дальше – к оконечности, где располагалась марина яхт-клуба с приткнувшимися к длинному пирсу двумя десятками швертботов. И сегодня среди них появилась незнакомая яхта с мачтой, торчавшей на две трети над паутинистым лесом прочих мелких.

В кармане пиджака зазвонил мобильник – недавно приобретенный навороченный айфон. Он с удовольствием пользовался бы обычным кнопочным телефоном без всяких наворотов, однако статус солидного и успешного адвоката требовал, чтобы и мобильный телефон у него был соответствующий. Хотя Иннокентий установил на нем немного дребезжащий звонок-ретро, как у древнего стационарного телефона с диском. Использовать мелодии он давно перестал и забыл, когда пользовался камерой – нечего было снимать. Поглядывая на высокую грот-мачту и продолжая не спеша идти по

набережной к пирсу яхт-клуба, Иннокентий достал мобильник.

– Иннокентий Михалыч! Здравсте! – протараторила трубка голосом Леночки. – Вы скоро будете?

– Доброе утро, – ответил Иннокентий. – Случилось чего?

– К вам посетитель, – сказала Леночка. – Он еще вчера записался.

– Лена, на время посмотри – который час? – спросил Иннокентий.

– Полдевятого, – ответила Лена после некоторой паузы.

– Ну, так рабочий день у нас во сколько начинается? Пусть ждет или приходит после девяти, – сказал Иннокентий и отключился.

Бодрым шагом он дошел до поста охраны яхт-клуба, где на скамеечке возле будки медитировал на утренней прохладе бывший сторож, а ныне сотрудник частного охранного предприятия Пантелей Христофорыч – человек большого жизненного опыта, вследствие чего приобретший несколько отрешенный, философский взгляд на жизнь. Иннокентий знал Христофорыча с десятков лет, с тех пор, как активно участвовал в жизни яхт-клуба. Правда в последние годы Трибулкин уже не гонял на швертботах и лишь изредка, когда отпускали дела, мог взять яхту напрокат для морской прогулки, но когда утром проходил мимо марины, всегда перекидывался парой слов со сторожем.

– Буэнос диас! – поздоровался Иннокентий.

– Калимэра! – ответил Христорыч, поднимаясь со скамейки.

– Вижу, новая яхта появилась, – сказал Иннокентий, пожимая ему руку.

– Крейсерская, – сообщил сторож, доставая сигарету и закуривая. – Шкипер списал на берег матроса, говорит – аппендикс у него воспалился. Заодно запас топлива и воды хочет пополнить.

– А можно глянуть на яхту?

– Да иди посмотри, шкипер на борту. Он наших попросил подыскать матроса, а не найдут, так и пойдет дальше.

Иннокентий ступил на пирс и двинулся по дощатому настилу мимо ряда швертботов к высокой грот-мачте. В кармане снова задребезжал айфон. Он достал мобильник, взглянул на дисплей и чертыхнулся – звонила бывшая жена.

– Трибулкин, – сказала она мрачно. – Ты помнишь, что должен приехать и подписать документы на дачу? Или забыл, как всегда?

– Я все помню, Катерина, – сквозь зубы сказал Иннокентий. – Ты ведь там живешь, и никто не собирается дачу у тебя отнимать. Мы вроде по-хорошему обо всем договорились...

– Это так, но с документами мне будет спокойнее.

– Еще раз говорю – приеду через пару дней. Извини, я сейчас занят, – сказал Иннокентий и отключился.

Крейсерская 40-футовая яхта была аккуратно пришвартована к пирсу бортом, а форштевнем в сторону города.

На высокой скуле белого стекловолоконного борта красовалось имя – «Аiko». Вооружение бермудского шлюпа – паруса грот и стаксель убраны и аккуратно свернуты, стоячий такелаж натянут и надежно закреплен, палуба, покрытая узкими планками из светлой тиковой доски, сияла чистотой. По многим признакам Трибулкин видел, что *лодка рабочая* – не для легкомысленных круизных прогулок, а для серьезного океанского плавания, и явно побывавшая во многих переделках.

Иннокентий прошел вдоль борта в сторону кормы. В просторном кокпите под полотняным навесом на боковом рундуке сидел шкипер. Перед ним стоял небольшой раскладной столик, на нем упаковка с полдюжиной банок пива, большая красивая раковина, из которой торчали чубуки нескольких трубок, кожаный кисет и еще какие-то курительные принадлежности. Шкипер, могучий, в меру волосатый, покрытый равномерным красноватым морским загаром, был в одних шортах цвета хаки и босиком, но на голове сидела белая фуражка с золотым крабом на околыше, из-под которой спадали на плечи длинные черные волосы с проседью. Короткая борода тоже имелась – обрамляла широкое горбоносое и черноглазое лицо, на плече – тату китайскими иероглифами. Шкипер курил трубку, выпуская дымные колечки, отхлебывал из банки и рассматривал город, амфитеатром спускавшийся к гавани порта.

– Доброе утро! – поздоровался Иннокентий.

Шкипер оторвался от созерцания города и сфокусировал взгляд на Трибулкине. – Доброе, – прогудел он в ответ.

– Скажите, пожалуйста, а мачта не слишком высока? – почему-то спросил Иннокентий.

Шкипер с любопытством оглядел долговязую фигуру Трибулкина в строгом костюме с галстуком.

– Для океанской яхты в самый раз. Ну, и кроме того, она проходит под всеми важными мостами.

– А какие мосты важные?

– Для меня в мире есть три самых важных моста – Босфорский, Золотые ворота в Сан-Франциско и Харбор-Бридж в Сиднее.

Иннокентий помолчал, потом спросил:

– Далеко идете, если не секрет?

– Кругосветка, – сказал шкипер. – А ты перелезь сюда, – неожиданно предложил он. – Хочу спросить кое-что.

Борт яхты немного возвышался над уровнем пирса, но в кормовой части ограждающего леера не было, поэтому Трибулкин, поколебавшись, легко ступил с причала на деревянный декинг палубы и, минуя большой штурвал начищенной до блеска красноватой меди, оказался в кокпите. Шкипер показал на рундук против себя.

– Присаживайся.

Когда Иннокентий расположился, шкипер достал из упаковки банку и поставил перед ним на столик. В общем-то, Иннокентий никогда не пил с утра, но сейчас он с интересом

взял банку и прочел затейливую надпись белым на зеленом фоне: «Very strong ale».

– Спасибо, – сказал Трибулкин, открыл банку, отсалютовал шкиперу и сделал небольшой глоток. Холодное, сладковато-терпкое, вяжущее язык, пиво казалось совсем не крепким и приятно освежало.

Шкипер в ответ тоже приподнял банку, сделал большой глоток, потом протянул широкую, твердую, как доска, ладонь.

– Филипп, – представился он. – Можно Фил.

– Иннокентий.

Он глотнул из банки, потом еще, достал пачку сигарет и спросил:

– Можно закурить, Фил?

Шкипер покосился на сигареты. – Спрячь, – сказал он и достал из раковины одну из трубок. – Попробуешь капитанского табака?

– С удовольствием, – сказал Иннокентий.

Филипп взял со столика нож, в котором оказалось множество приспособлений, достал из кисета щепотку табака, аккуратно набил и утрамбовал табак в трубке.

– Прошу, – сказал он, подавая трубку Трибулкину. – Черешневая, а табак я всегда покупаю в Марселе.

– Спасибо, – Иннокентий взял трубку, после нескольких неудачных попыток все-таки прикурил от длинной спички, затянулся и окутался облачком необычайно ароматного ды-

ма. Он отхлебнул из банки, пыхнул трубкой и даже зажмурился от удовольствия. Ему совсем расхотелось идти на работу, потому что было необычайно хорошо сидеть вот так на яхте, беседовать со шкипером, слушать крики чаек и плеск волн, затягиваться ароматным дымом и по глотку пить холодный крепкий эль.

– Так что вы хотели спросить, Фил? – спросил Трибулкин после некоторой паузы.

Шкипер поерошил бородку, пыхнул несколько раз трубкой.

– Был у меня на яхте матрос, хороший парень, но как назло случился у него на переходе приступ аппендицита. Ближайший порт был ваш, вот я его здесь и списал на берег – отправил в больницу. Сказали, что не зря, аппендикс вот-вот мог лопнуть. Сразу сделали операцию, так что все нормально, но в плавание он теперь никак не годится.

– Да, хорошо, что так закончилось.

– Сейчас, погоди минутку...

Шкипер встал, спустился по ступенькам и исчез за дверью, которая вела из кокпита во внутренние помещения яхты. Иннокентий через приоткрытую дверь увидел миниатюрный камбуз с маленькой плитой и мойкой, за ним деревянную обшивку салона с круглым иллюминатором и спинку дивана черной кожи. Через минуту шкипер вернулся, бросил на стол связку сушеной барабульки и снова расположился на рундуке.

– Угощайся, – сказал он, отрывая одну рыбку от связки.

– Спасибо, – сказал Трибулкин, тоже оторвал рыбешку и стал очищать от чешуи.

– И вот теперь мне позарез нужен матрос. – продолжил шкипер. – Ребята с вашего яхт-клуба обещали помочь, но я могу ждать еще только пару дней, потом по графику надо идти дальше. Если здесь не найму, то придется искать в следующем порту по маршруту – это в Одессе.

Он разломил рыбку пополам, очистил и сунул в рот.

– Хотелось бы, конечно, своего, русского, а если нет, то буду искать на следующей стоянке – уже в Марселе. В Марселе я, кстати, родился и провел там все детство – родители работали в советском торгпредстве.

– А без матроса тяжело?

– Во внутренних морях еще можно справиться одному. Но вот когда выйдешь в океан – там и в правду тяжело. Так вот я тебя еще хочу попросить, может быть, ты тоже сможешь подыскать матроса. Условия такие: плачу 500 евро в месяц, но человек должен быть хоть немного знаком с яхтами и парусами и, главное, готов уйти в плавание минимум на годик-полтора.

Иннокентий почесал в затылке, потом отхлебнул еще пива. В кармане зазвонил телефон. Трибулкин извинился и достал трубку. Звонил председатель коллегии адвокатов.

– Иннокентий Михайлович, доброе утро, – сказал он. – Вы не забыли, сегодня заседание коллегии в 15.00, и у вас

доклад?

– Доброе, – ответил Трибулкин. – Да, конечно, доклад у меня готов.

– Прекрасно, так ждем вас.

– Да, я буду, до свиданья, – сказал Иннокентий и отключился.

– Работа, – понимающе сказал Филипп. – А кем ты работаешь, если не секрет?

– Я адвокат, – со вздохом сказал Трибулкин. – Но когда-то я занимался парусным спортом – гонял на швертботах и успешно – на соревнованиях занимал призовые места. Потом стало не до спорта – работа занимает все время, хотя яхт-клуб я не забываю.

Они со шкипером почти синхронно отхлебнули из банок, Филипп задумался, словно что-то вспоминая, а потом сказал:

– Двенадцать лет назад у меня был хороший бизнес – я торговал минеральными удобрениями. Зарабатывал много, но и крутиться приходилось, как хомяку в колесе. Потом в какой-то момент я подумал – а для чего мы работаем? Если чтобы жить, то на жизнь-то и времени не остается. А жить для того, чтобы работать мне осточертело...

С круизного лайнера донесся удар корабельного колокола. Порт уже всюю жил обычной насыщенной жизнью – длинным гудком известил о прибытии входящий в гавань контейнеровоз, пара-тройка буксиров спешила по каким-то де-

лам, в марину яхт-клуба вошел быстроходный катер, описал круг и причалил к пирсу поодаль на свободное место между швертботами. Шкипер проследил взглядом за манипуляциями катера и продолжил:

– И еще подумал – почему я, вместо того, чтобы видеть мир, полный чудес, должен заниматься тупым скирдованием бумажек под названием деньги?

Он пыхнул трубкой и выпустил несколько дымных колечек.

– Иннокентий, ты имеешь понятие о том, что такое колесо сансары?

– Да, когда-то я сильно интересовался всякими восточными учениями. Это вечное колесо страданий.

– Точно. Великие мудрецы в свое время все расписали – ты вертишься, как хомяк в колесе сансары, потом умираешь, снова рождаешься в новом теле и опять попадаешь в то же самое колесо. А бежать из этого колеса в нирвану – страну вечного блаженства – можно только через долгий путь духовных практик.

– Это не для нас, – сказал Иннокентий. – Если, конечно, не решиться уйти в монастырь.

– Так вот слушай – однажды, как-то случайно, мне попалось на глаза объявление о продаже яхты. Денег к тому времени я заработал достаточно, и вдруг мне дико захотелось увидеть мост Золотые ворота в Сан-Франциско. И еще подумал я, вот он – путь из колеса, и не в следующей жизни, а

прямо здесь и сейчас.

– Здесь и сейчас, – заворуженно повторил Иннокентий.

– В общем, я продал свой бизнес к чертям собачьим, купил яхту, прошел курс обучения навигации, обращения с парусами и получил шкиперскую лицензию. Ну, в первое время пришлось погонять по коротким маршрутам, но уже через полгода я отправился в первую кругосветку. И таки увидел мосты Золотые ворота, Харбор-Бридж и еще много чего...

– Ну да, расскажите мне про Сингапур.., – пробормотал Иннокентий. Он уже опустошил банку и чувствовал, как приятное тепло разливается по всему телу.

– Сингапур? – переспросил Фил. – Да, и в Сингапуре я побывал и в Гонконге и в Нагасаки.

Он помрачнел, достал еще банку из упаковки и поставил рядом с Трибулкиным.

– В Нагасаки я захожу в каждой кругосветке.

– Зачем? – спросил Трибулкин. Он поколебался, потом все-таки открыл вторую банку и сделал глоток.

Фил встал, подошел к борту, вытряхнул из трубки остатки табака в море. На мускулистой спине у него тоже синели татуировки иероглифами в три ряда – две на лопатках и одна между ними. Он вернулся в шезлонг, снова набил трубку из кисета, лежащего на столе, прикурил от длинной спички и выпустил несколько колечек.

– В Нагасаки я навещаю могилку моей девушки.

– О, Господи, – сказал Трибулкин. – Сочувствую вам.

– Айко была танцовщицей в ночном клубе. Там я с ней и познакомился в первой кругосветке. Я хотел забрать ее с собой... и она была согласна. Но ее держал проклятый контракт на год вперед, который она не могла нарушить. А когда я во второй кругосветке вернулся в Нагасаки, Айко уже не было в живых.

– А что с ней случилось?

– Какие-то местные разборки между бандами якудза, ее случайно убили в перестрелке.

– Соболезную вам, – повторил Иннокентий. – Поэтому яхта так называется?

– Да, – сказал шкипер. – Это случилось девять лет назад... но я обязательно каждый год ее навещаю.

Он помолчал, попыхивая трубкой, потом отхлебнул из банки. Глаза его заблестели.

– Она была такая миниатюрная, как ребенок, а на плече и спине татуировки из иероглифов. Я как-то спросил, что они означают, и она объяснила: на плече написано – «мечта», а на спине – «свобода», «красота» и «вечность».

Иннокентий глянул на татуировку на его плече.

– У вас тоже тату.

– Я набил такие же себе уже после ее смерти.

В кармане у Трибулкина снова задрезбезжал айфон. Опять звонила Леночка. Иннокентий извинился, нажал на прием и поднес телефон к уху.

– Иннокентий Михалыч! – опять протараторила Леночка. – Где вы? Тут уже пять посетителей.

– Леночка, – сказал негромко Иннокентий. – Непредвиденные обстоятельства, я задерживаюсь.

– Что-нибудь случилось? – испуганно спросила Леночка.

– Ничего не случилось, я же сказал тебе – непредвиденные обстоятельства. А Константин Петрович пришел?

– Да, он у себя.

– Отправь посетителей к нему.

– Но они все хотят именно к вам!

– Тогда скажи – пусть приходят через час, – сказал Трибулкин и отключился.

– Фил, – сказал он. – А какие места вы собираетесь посетить в этой кругосветке?

– Про Одессу и Марсель я тебе уже сказал. В Одессе живет старый друг, надо его повидать. В Марселе, вообще-то, мне долго задерживаться нельзя, там у меня проблемы с полицией. Сниму только валюту в банкомате. А матроса искать буду уж в следующем порту после Марселя, ежели и у вас и в Одессе не получится.

– А какие проблемы с полицией?

– Подрался в кабаке с местными арабами. Сейчас там уже полгорода арабов и африканцев. Те уроды приставали к женщинам в присутствии мужей, ну и пришлось поучить их вежливости.

– А как же мужья?

– А что мужья? Трусы! Времена благородных французских шевалье давно прошли. А полицейские в глубине души все-таки были на моей стороне, поэтому обошлось без последствий.

Трибулкин с уважением покосился на громадные кулаки шкипера.

– А после Марсея куда?

– А дальше Крит, надо побывать в лабиринте.

– Но ведь это миф, – сказал Иннокентий. – На самом деле никакого лабиринта там нет.

Филипп снисходительно посмотрел на него.

– Лабиринт есть, просто не знают где вход.

– А вы знаете, где вход?

– Думаю, что знаю.

Иннокентий прокашлялся.

– А после Крита?

– После Крита обязательно нужно зайти в Барселону. Этот город меня вдохновляет. Скажи-ка, Иннокентий, ты знаешь какая главная достопримечательность в Барселоне?

– В Барселоне я не был, но знаю, что там есть знаменитый храм Саграда Фамилия.

– Многие думают, что это главное в Барселоне, однако там есть и много других замечательных мест. А я стараюсь всегда посетить собор Святого Сердца на горе Тибیداбо – храм неопишуемой красоты. Представляешь, на крыше у него гигантская статуя Спасителя.

– Представляю! А дальше?

– Потом переход через Атлантику до Южной Америки. Первый порт – Рио, затем Монтевидео, после него – Буэнос-Айрес. Потом нужно обогнуть мыс Горн и там уже Тихий океан. С той стороны материка остается зайти в Вальпараисо, это в Чили, и оттуда на Рапа-Нуи – остров Пасхи. Вот там я ни разу не был, хочется взглянуть на моаи – каменных истуканов. И на острове Пасхи закончится первая половина кругосветки.

– Как же, что такое моаи я знаю, в свое время почитывал Хейердала, – сказал Трибулкин. – Аку-аку и все такое. А потом?

Шкипер чубуком трубки рисовал в воздухе причудливый маршрут:

– Возвращаемся через Французскую Полинезию, заходим в Окленд – это в Новой Зеландии, потом Сидней и через Индонезию – там тоже чудес полно – в Сингапур. Потом в Нагасаки, оттуда идем через Шри-Ланку, Аравийское и Красное море, Суэцкий канал в Средиземное – тут уже считай мы почти дома.

– Здорово! – сказал Трибулкин и допил остатки эля из второй банки. – И это займет полтора года по времени?

– По расчетам да, полтора года, – сказал шкипер. – Если не будет непредвиденных обстоятельств.

– А какие могут быть непредвиденные обстоятельства?

– Ну, например, пираты, – сказал шкипер и зевнул. – Или

яхта налетит на риф.

– А что, действительно сейчас есть пираты?

– Еще какие. Особенно в Юго-восточной Азии, могут попасться еще, когда идешь вдоль побережья Африки возле Сомали, потом и в Южной Америке около Венесуэлы.

– И вы встречались с ними? – спросил Иннокентий.

– Бывало, – сказал шкипер, открывая новую банку с пивом. – Если встречаешь пиратов, то возможны два варианта. В одном случае платишь деньги, в общем-то, небольшие – в пределах трехсот-пятисот долларов, и тебя пропускают. А если это не проходит, то на такой случай у меня есть пулемет ПКМ.

– И вам приходилось использовать пулемет?

– Лишь однажды, – сказал шкипер. – И то, стрелять не пришлось, достаточно было только его показать.

– Сильно! – воскликнул Трибулкин и посмотрел на упаковку с пивом – там еще оставалось две полных банки. Снова зазвонил телефон в кармане, Иннокентий взглянул на дисплей – звонил один из клиентов, нажал на кнопку отбоя и вернул телефон обратно. Потом решительно тряхнул головой.

– Послушайте, Фил, – спросил он. – Вы бывали в Нью-Йорке?

– Конечно, и не раз.

– Вы же знаете, что там есть Центральный Парк и в этом парке у Южного входа находится пруд?

– Ну да, и там я тоже был не однажды.

– Вот вы случайно не знаете, куда деваются утки из этого пруда зимой, когда вода замерзает?

Шкипер посмотрел на Иннокентия со странным выражением и сказал:

– Конечно, знаю. – Пыхнул несколько раз ароматным дымком из трубки. – Только для каждого ответ будет свой.

Иннокентий посидел немного, глядя на город.

– Фил, – сказал он, поднимаясь с рундука. Его немного качнуло. – Извините, жалко уходить, но мне пора – люди ждут. Очень приятно было с вами познакомиться.

Филипп тоже встал и протянул руку.

– Мне тоже, Иннокентий, – сказал он, обмениваясь крепким рукопожатием с Трибулкиным. – Я буду здесь еще два дня, если что...

– В любом случае я приду попрощаться и пожелать вам счастливого пути, капитан, – сказал Трибулкин уже с пирса.

Когда он, помахав Христофорычу, продолжающему медитировать на скамейке у будки охраны, стал подниматься по крутому тротуару к городу, в кармане снова задрезжал телефон.

– Иннокентий Михайлович? – сказала трубка глухим, бесцветным голосом.

Трибулкин сморщился, как от зубной боли. Звонил крупный строительный подрядчик, который занимался долевым строительством. Когда-то в «лихие» 90-е он ходил в малино-

вом пиджаке с золотой цепью на шее и многие дела решал на «стрелках». Сейчас же стал порядочным бизнесменом, хотя многие повадки из прошлого сохранились.

– Слушаю, – ответил Иннокентий.

– Мы с вами недоговорили.

– Сергей Петрович, я же вам все объяснил в прошлую нашу встречу. В деле нет никаких зацепок в вашу пользу.

– Вы мне пообещали, что найдете лазейку.

– Мне так показалось вначале, но потом я внимательно рассмотрел дело и понял, что никаких шансов выиграть у вас нет. Придется возвращать деньги и выплачивать компенсации.

– Иннокентий Михайлович, – сказал Сергей Петрович. – Если вы отказываетесь мне помочь, то у вас могут начаться разного рода неприятности, вы же знаете мои возможности.

– Вы мне угрожаете?

– Понимайте, как знаете.

– Сергей Петрович, – сказал Трибулкин. – Вы знаете, что такое колесо сансары?

– Какое еще колесо? У вас, мне кажется, что-то не в порядке с головой.

– А еще, Сергей Петрович, вам не мешало бы поинтересоваться, что такое закон кармы. Обычный закон еще можно обойти, а закон кармы действует неотвратимо, – сказал Иннокентий и отключился.

Когда Иннокентий пришел в офис и открыл дверь, на ко-

торой висела солидная табличка, гласящая золотыми буквами на черном фоне: «Адвокатская контора И. Трибулкин», в приемной действительно дожидались пять посетителей. С ними он разобрался быстро. Трех с тяжбами к соседям типа: «они крадут наших кур» или «они отравили нашу собаку» он все-таки отправил к помощнику, Константину Петровичу. С двумя клиентами, у которых были более серьезные дела, касающиеся земельных отношений, Трибулкин занялся сам, быстро вошел в курс дела, составил иски в суд и направил клиентов к Леночке для дальнейших действий. Все эти дела заняли около полутора часов. Отделавшись от посетителей, попросил Леночку сварить кофе, взял горячую чашку и подошел к окну, откуда открывался прекрасный вид на залив и порт. Грот-мачта яхты «Айко» высилась на том же месте.

Между тем подошло время отправляться на коллегия, и Трибулкин поехал туда на такси – не стал искушать судьбу после выпитого с утра пива. Коллегия прошла, как всегда скучно. Иннокентий прочел свой доклад, потом в пол-уха слушал доклады коллег, думая при этом совсем о другом. Он думал о том, куда все-таки деваются утки из пруда в Центральном Парке Нью-Йорка зимой, и на самом ли деле шкипер Филипп знает, где может находиться вход в лабиринт Минотавра на Крите. И еще Трибулкин думал о девушке из Нагасаки.

Когда он вернулся в свою просторную трехкомнатную

квартиру в элитной многоэтажке, недавно построенной в самом престижном районе города, то некоторое время просто лежал на диване, отключив телефон и бездумно глядя в потолок. Потом не спеша поужинал, выпил чашку кофе, глядя в окно, откуда отлично была видна бухта, порт и высокая мачта яхты «Айко» на том же месте у причала яхт-клуба.

Около 9-ти часов вечера, когда сумерки сгустились и на небе появились звезды, Трибулкин вышел погулять. Через час он вернулся и заглянул к соседу и приятелю Грише, с которым они разговаривали некоторое время. Потом Иннокентий вернулся домой, достал из кладовки объемистую спортивную сумку и начал укладывать туда вещи. Собрав сумку, он улегся в постель, долго не мог заснуть, наконец уснул тревожным сном и, как ему показалось, сразу же проснулся. Посмотрел на часы у изголовья – было еще около 6-ти утра, и за окном только начало светать. Он вскочил, быстро умылся, побрился, сварил и выпил кофе, потом облачился в приготовленный еще вечером спортивный костюм, кроссовки, взял сумку и вышел из дома, тщательно заперев на четыре полных оборота дверь.

Трибулкин направился в сторону конторы. Когда вышел на открытое место, посмотрел на порт и марину яхт-клуба и остановился – высокой мачты у причала не было!

Иннокентий почти бегом спустился к заливу – это заняло минут пятнадцать – подошел к будке охраны. Христофорыч был уже на месте, на своей скамейке, курил и задумчиво

рассматривал хмурое рассветное небо, затянутое облаками.

– Салюд, Христофорыч! – поздоровался запыхавшийся Иннокентий.

– Хола! – меланхолично ответил сторож, никак не выказав удивления по поводу раннего визита и внешнего вида Трибулкина. Иннокентий достал сигарету, прикурил, попытался выпустить дымное колечко – не получилось.

– Скажи, Христофорыч, а тот шкипер на крейсерской яхте уже отчалил? – спросил Трибулкин безразличным тоном.

– Нет, он отошел на нефтяной терминал заправиться топливом. Все еще ждет матроса, а отчаливать собирался завтра утром. А ты что-то хотел от него, Михалыч?

– Человек прошел несколько кругосветок и много чего интересного рассказывает, хотел с ним еще поболтать.

– Ну, он вернется теперь через часок-другой, тогда и наведайся.

– Христофорыч, у меня просьба – обязательно скажи ему, что я приходил. Я сейчас на работу пока, а через час снова буду. И вот это я у тебя оставлю, хорошо? – сказал Трибулкин, отдал сторожу сумку и отправился в город.

По пути он позвонил Леночке и Константину Петровичу и попросил их срочно прибыть в контору. В офисе Трибулкин быстро оформил, распечатал и подписал несколько документов, а когда пришли заспанные и недоумевающие секретарша и помощник, он пригласил их в свой кабинет. Когда они уселись, Иннокентий сразу без предисловий сказал:

– Коллеги, простите, что так рано вас поднял, но дело не терпит отлагательства.

– А что случилось? – спросили они в один голос.

– Я должен срочно уехать, – сказал Трибулкин. – И надолго, минимум на полтора-два года.

Леночка ахнула и прикрыла рот ладонью.

– А как же мы? – спросил Константин.

– Я все предусмотрел, – сказал Иннокентий. – Вы будете работать, как работали.

Он подвинул Константину подготовленные документы.

– Это доверенности на управление конторой и на распоряжение счетами. Константин Петрович, вы уже опытный юрист и вполне можете вести самые сложные дела.

Леночка и Константин помолчали, осознавая сказанное.

– Вы можете взять на работу еще одного или двух юристов. – сказал Трибулкин. – Если будете чувствовать, что зашиваетесь с делами.

– Но куда вы уезжаете? – спросила Леночка.

– Я не могу этого сказать, – ответил Трибулкин.

Он встал и подошел к окну – высокая грот-мачта яхты «Айко» снова появилась на прежнем месте.

Иннокентий достал телефон и набрал еще один номер.

– Трибулкин, – ответила бывшая жена. – Неужели у тебя проснулась совесть?

– Катерина, – сказал Иннокентий. – У меня мало времени. Короче, жду тебя прямо сейчас в конторе с бумагами. Бери

такси и приезжай.

– Ты же обещал приехать сам.

– Через полчаса я уезжаю из города и надолго. Если не приедешь, то останешься с неподписанными документами.

Через пятнадцать минут Катерина вошла к нему в кабинет.

– Трибулкин. – сказала она, бросая бумаги перед ним на стол. – В лесу кто-то сдох, или я чего-то еще не понимаю?

Иннокентий молча поставил подписи там, где нужно. Потом задумчиво посмотрел на бывшую жену, и спросил:

– Слушай, ты знаешь, что в городе Нью-Йорке есть Центральный парк, и в этом парке у Южного входа есть пруд?

– Блин, какой парк и какой, твою мать, пруд?

– И ты случайно не знаешь, куда деваются утки из этого пруда зимой, когда он замерзает? – серьезно спросил Трибулкин.

– Ты, блин, издеваешься! – сказала Катерина. – Я всегда знала, что ты больной на всю голову. И всю жизнь задаюсь вопросом – как я повелась на твои сладкие речи, как последняя дура?

– В одно окно смотрели двое, один увидел дождь и грязь, другой – листья зеленой вяза... – сказал Трибулкин. – Я все сделал, как ты хотела?

– Да.

– Тогда прощай.

Катерина хотела еще что-то сказать, потом поджала губы

и молча вышла.

Иннокентий взглянул на часы, висевшие на стене, и пригласил в кабинет помощников.

– Мне пора.

Они сердечно попрощались, Леночка даже всплакнула, а Константин Петрович спросил:

– Но вы ведь вернетесь?

– Возможно, – ответил Иннокентий. – Только точно не знаю, когда.

Когда Иннокентий подошел к яхте, шкипер нагнувшись возился с креплением одной из боковых вант, удерживающих мачту. Он был также, как и вчера, в шортах, но уже в тельняшке и на голове вместо шкиперской фуражки повязана бандана.

– Доброе утро, капитан, – поприветствовал его Трибулкин.

Шкипер выпрямился и широко улыбнулся.

– Привет, Иннокентий! – воскликнул он. – Я вижу, ты куда-то собрался.

– Капитан, – сказал Трибулкин. – Кажется, я нашел для вас матроса.

– Отлично! И где же он?

– Матрос перед вами. Если вы, конечно, не против.

Шкипер некоторое время задумчиво смотрел на него, потом спросил, глядя прямо в глаза:

– Это не простое решение. Ты хорошо подумал?

– Я очень хорошо подумал, капитан, – твердо ответил Иннокентий, не отводя взгляда. – Я хочу увидеть мост Золотые ворота, лабиринт Минотавра и Рапа-Нуи. И я хочу выйти из колеса сансары.

– И ты готов мерзнуть и мокнуть, не спать сутками, переносить морскую болезнь, не дрейфить в шторм и беспрекословно выполнять команды капитана?

– Да, я готов! – ответил Трибулкин.

– Стоять вахты, управляться с парусами, драить палубу, кухарить... ты, кстати, умеешь готовить?

– Конечно, я же давно в разводе.

– Хорошо, – сказал шкипер, подходя ближе и снимая рабочие перчатки. – Тогда я задам тебе еще два вопроса. Первый вопрос: ты умеешь обращаться с секстантом?

– Нет, – ответил Иннокентий. – Но я знаю, для чего он нужен, и думаю, что быстро научусь.

– Тогда второй вопрос: чем отличается поворот фордевинд от поворота оверштаг?

– При повороте фордевинд яхта меняет галс и поворачивает через линию ветра кормой, – сказал Трибулкин. – А при оверштаге судно меняет галс с направлением носа на ветер.

– Давай сумку, – сказал шкипер, протягивая руку. – И добро пожаловать на борт, матрос, с этого момента ты зачислен в команду.

Когда шкипер показал ему внутреннее устройство яхты, а Иннокентий оставил вещи в маленькой носовой каюте, они

снова поднялись на палубу. Филипп посмотрел на посветлевшее небо и сказал:

– Топливом я заправил полные баки, водой тоже, матрос зачислен в команду, поэтому что?

Он достал из рундука в кокпите пару оранжевых спасжилетов и страховочные обвязки. Один комплект подал Трибулкину, и когда они облачились, шкипер продолжил:

– Поэтому мы отходим немедленно. Тем более, что по метеосводке сегодня попутный ветер в 15 узлов. Готова ли команда?

– Команда готова, капитан! – откликнулся Иннокентий.

Шкипер встал за штурвал, поколдовал с пультом управления.

– Отдать швартовы!

Трибулкин перепрыгнул с борта на пирс, отвязал с причальной тумбы на пирсе швартовочный конец, забросил его на палубу и вернулся на яхту.

– По местам стоять, с якоря сниматься! – скомандовал капитан, хотя яхта и не бросала никакой якорь. Потом подмигнул Трибулкину и сказал: – А твое место, матрос Иннокентий, сейчас на носу, будешь смотреть фарватер. – И добавил вдогонку: – И пристегнись, правила яхтинга ты знаешь.

Иннокентий был уже на носу, он пристегнулся страховочным концом к ограждению и прочно встал, расставив ноги и держась за форштаг. Мелко задрожала палуба – шкипер запустил двигатель, яхта медленно отошла боком от причала

и, рассекая мелкую волну и постепенно набирая ход, по широкой дуге двинулась к выходу из порта.

– Впередсмотрящий! – крикнул шкипер. – Фарватер свободен?

– Да, капитан!

Когда яхта вышла из порта в открытое море, шкипер направил нос против ветра на восток, сбавив обороты двигателя.

– Иннокентий, – позвал он. – Иди за штурвал, а я буду ставить грот.

Трибулкин отстегнулся от ограждения и перешел в кокпит. Шкипер показал, как нужно держать и поворачивать штурвал, чтобы нос яхты был все время обращен на ветер, потом забрался на крышу рубки, освободил свернутый и закрепленный на гике грот-парус из чехла и начал крутить ручную лебедку.

– Держи штурвал крепче! – крикнул он.

Треугольный грот-парус быстро поднялся по мачте, трепеща под порывами ветра.

– Понемногу поворачивай, – скомандовал шкипер. – Не резко, но давай смелее!

Яхта, повинувшись движению штурвала в руках Трибулкина, медленно развернулась. Шкипер спустился в кокпит и встал рядом.

– Держи вот так, – сказал он, помогая установить штурвал в нужное положение.

Парус сначала трепетал, потом постепенно ветер туго наполнил его, так что заскрипела мачта, палуба чуть наклонилась вправо и яхта начала медленно набирать ход.

– Отлично, – сказал шкипер, отключив двигатель. – А сейчас будем ставить стаксель. – И он пошел на нос, придерживаясь за боковой леер.

Иннокентий был так увлечен управлением яхтой, что не сразу почувствовал, как в кармане вибрирует айфон, который раньше поставил на беззвучный режим. Звонила Катерина, он нажал на отбой, но тут же мобильник завибрировал вновь – теперь звонил один из клиентов. Иннокентий просмотрел пропущенные звонки – их было уже около десятка. Придерживая штурвал одной рукой, обернулся к быстро удалявшемуся берегу, немного помедлил, потом широко размахнулся и запустил телефон в сторону берега – описав красивую параболу, айфон без всплеска косо врезался в гребень волны и исчез.

Шкипер тем временем уже поднял второй парус и натягивал шкоты.

– Капитан! – крикнул Иннокентий.

– Да! – шкипер остановился и обернулся.

– Я понял, куда деваются утки из пруда в Центральном парке!

– И куда же они деваются?

– Ответ внутри и у каждого свой!

– Молодец! – крикнул шкипер, улыбаясь. – А теперь пе-

реложит на четверть оборота вправо!

Попутный ветер туго наполнил оба паруса, так что закрипела мачта, и яхта быстро стала набирать ход, с шипением рассекая волны форштевнем. На востоке, оставшемся за кормой, немного разошлись облака, с утра закрывавшие небо, и сноп золотистых лучей восходящего солнца пятнами упал на поверхность серого до того моря, расцветив его всеми оттенками синего и зеленого. С правого борта из волны синхронно выпрыгнули две серых афалины и ушли вперед по курсу.

– Йяяя-хууууу! – закричал Иннокентий, чувствуя, как его руки, держащие штурвал, покрываются мурашками.

– Ты чего орешь? – спросил капитан, спускаясь в кокпит.

– Ничего, – сказал Трибулкин, – извините, капитан.

– Между прочим, ты сегодня дежурный по камбузу, – сказал шкипер, спускаясь по лестнице в каюту. – Пока держи курс, а потом поставим на автопилот и посмотрим, как ты умеешь готовить.

– Да, капитан, – ответил Трибулкин. – С удовольствием.

Яхта все набирала ход, Иннокентий шире расставил ноги и крепче взялся за штурвал. Он больше ни разу не оглянулся назад.

Изображение обложки сформировано с помощью сервиса Canva из библиотеки бесплатных изображений. Адрес <https://www.canva.com/>, учетная запись Владимир Мальма-

KOB.